

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'271
ББК Ш105.55
DOI 10.26170/pl19-03-01

ГСНТИ 16.21.29; 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

А. П. Сковородников

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0171-596x

✉ E-mail: skapnat@mail.ru.

О сверхсильной речевой агрессии и ее модальном антипode

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вопросу дифференциации речевой агрессии по степени ее интенсивности. В работе демонстрируется, что не все разновидности речевой агрессии, отличающиеся силой эмоциональной тональности, получили отражение и терминологическое обозначение в исследованиях, посвященных изучению этого феномена, в том числе и в дефинициях этого явления, предлагаемых разными авторами. Рассматривается такая разновидность речевой агрессии, которая представляет собой крайнюю, экстремальную степень негативной эмоциональности и характеризуется ненавистью к объекту оценивания и желанием его физического и/или морального уничтожения. Для обозначения этого феномена предлагается термин «лингвонекрофилия». Указывается также, что в силу речевой системности, как ее аксиологическое проявление, существует противоположное лингвонекрофилии явление высшей степени положительной, иногда даже восторженно-сакрализирующей оценки, которое мы обозначаем термином «лингвобиофилия». Системность речевой аксиологии проявляется еще и в том, что явлениям лингвонекрофилии и лингвобиофилии изоморфны некоторые жанры, например, речевые жанры проклятия и славословия (дифирамба) и литературные жанры памфлета и панегирика. Текстам, созданным в стиле лингвонекрофилии и лингвобиофилии, свойственно конвергентное использование экспрессивных языковых средств и приемов, в том числе разнообразной пейоративной и мелиоративной лексики и фразеологии в разных синтаксических позициях, чаще всего в позициях определения и предиката. В итоге формулируются дефиниции лингвонекрофилии и лингвобиофилии и делается вывод об опасности для социума лингвонекрофилии, а при определенных экстралингвистических условиях и лингвобиофилии, о необходимости выявления и ликвидации социальных причин такой опасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевая агрессия; речевое поведение; экстремальная эмоциональность; негативная эмоциональность; позитивная эмоциональность; лингвонекрофилия; лингвобиофилия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сковородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 82а, к. 1-16; e-mail: skapnat@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сковородников, А. П. О сверхсильной речевой агрессии и ее модальном антипode / А. П. Сковородников // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 12-21. — DOI 10.26170/pl19-03-01.

*Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.
Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.*

Вадим Шефнер

Введение

Процессы эмоциональной негативации русской речи тесно связаны с таким социально-коммуникативным явлением, как речевая (или словесная, вербальная) агрессия. Известный исследователь современного состояния русской речи и русского языка В. И. Шаховский замечает, что «появляются все новые и новые средства для обозначения негативных эмоций и отрицательных явлений, порождения эмоционально отрицательных сообщений и целых текстов», что приводит «к негативации языковой картины у носителей языка» [Шаховский 2016: 122—123; Шаховский 2013: 303]. В нашей статье разговор пойдет о той речи, которая, по выражению Н. Е. Петровой и Л. В. Рацибурской,

«характеризуется повышенной агрессивностью, в том числе активным использованием соответствующих стратегий и тактик речевого поведения: угрозы, игнорирование, дискредитация, брань, ложь, навешивание ярлыков, оскорбления и т. д.» (выделено мной. — А. С.) [Петрова, Рацибурская 2011: 21—22]. Эти и другие признаки речевой агрессии не всегда упоминаются авторами дефиниций речевой агрессии в силу их (дефиниций) лаконизма и обобщающего характера, в том числе не включены они и в дефиницию, предлагаемую упомянутыми авторами: «...под речевой агрессией в данном пособии понимается жесткое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отноше-

ния к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление» [Петрова, Рацибурская 2011: 24]. Ср. определения речевой агрессии у других авторов, например: [Гордеев 2017: 176; Завьялова 2003: 562; Трошева 2003: 340; Щербаков 2014: 525] и др.

Однако в ряде дефиниций и характеристик речевой агрессии указания на некоторые ее конкретные признаки, манифестирующие ту или иную негативную эмоцию, присутствуют. Например, в диссертации Э. Э. Паремузашвили говорится о том, что «иронические высказывания и намеки используются в речи также для того, чтобы в зависимости от целей говорящего выразить **порицание, упрек, обвинение, грубое требование, пренебрежение, насмешку, оскорбление, угрозу** и др.» (здесь и далее выделено мной. — А. С.) [Паремузашвили 2013: 7]. К формам речевой агрессии А. В. Щербаков относит «**оскорбление, враждебное замечание, угрозу, грубое требование, грубый отказ, порицание (упрёк, обвинение), насмешку, донос, клевету, ссору, жалобу** и нек. др.» [Щербаков 2014: 526]. Т. А. Воронцова считает, что «при узком понимании агрессия в речи рассматривается как речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: **оскорбление, насмешка, угроза**. При широком понимании под словосочетанием „речевая агрессия“ подразумеваются все виды доминирующего речевого поведения» [Воронцова 2006: 83]. К. Ф. Седов пишет, что «прямая (она же — явная) речевая агрессия — результат коммуникативного акта, иллюзия которого содержит открытую, очевидную **враждебность...: оскорбления, угрозы, злопожелания (иногда содержащие табуированную лексику)**» [Седов [http](http://)]. В. В. Кислица [Кислица 2016], по сути дела, повторяет определение Ю. В. Щербининой, которая в своем фундаментальном исследовании предлагает такую дефиницию речевой агрессии, уточняя определение А. Басса: «...вербальная (речевая, словесная) агрессия — это **словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме**» [Щербинина 2008: 15]. Кстати, полагаю, что в этой формулировке, как и в некоторых других, не хватает указания на адресность агрессивного высказывания, направленность его на адресата (например, человек, который в ситуации публичности, поскользнувшись и упав, выругался, нарушил

этико-речевую норму, но вряд ли такое высказывание представляет собой речевую агрессию).

Обращают на себя внимание два факта. Во-первых, отсутствие единого основания в перечне релевантных признаков речевой агрессии. Так, в ряду «угрозы, игнорирование, дискредитация, брань, ложь, навешивание ярлыков, оскорбления» угрозу, брань, оскорбление, по-видимому, можно отнести к разряду речевых жанров; игнорирование, дискредитацию, ложь — к речевым стратегиям, а навешивание ярлыков — к речевым приемам. Во-вторых, такие феномены (по сути — речевые жанры), как порицание, упрек, обвинение, насмешка, ссора, жалоба, могут квалифицироваться как речевая агрессия в определенной ситуации и при соответствующем подборе лексических средств. Сами же по себе эти речевые жанры не несут основного содержательного признака речевой агрессии — враждебности.

В литературе, посвященной проблеме речевой агрессии, нет ее общепринятого определения и характеристики разновидностей (см. об этом, например, в работе [Закоян 2008]). Считаю приемлемой вышеприведенную дефиницию речевой агрессии, предложенную Н. Е. Петровой и Л. В. Рацибурской, с некоторой ее конкретизацией, в частности с учетом определения понятия агрессии, данного в авторитетных словарях современного русского языка, включающего сему враждебности («открытая неприязнь, вызывающая враждебность» [Толковый... 2011: 5], «о словах или действиях, выражающих неприязнь, враждебность» [Большой толковый... 1998: 28]). Это определение может быть таким: **речевая / вербальная агрессия — это спонтанное или целенаправленное речевое действие (высказывание), выражающее враждебное (часто — оскорбительное) отношение к какому-либо объекту в широком смысле (лицу, коллективу, народу, социальному институту, стране и т. п.) и имеющее целью нанесение этому объекту того или иного вреда.**

Впрочем, нас интересуют не столько предлагаемые разными авторами дефиниции речевой агрессии, сколько дифференциация ее видов по интенсивности эмоции, деление ее на слабую и сильную. Говоря о том, что виды речевой агрессии можно классифицировать по интенсивности, Ю. В. Щербинина справедливо замечает, что «брань или грубое требование явно более выраженные способы агрессии нежели невежливый отказ или скрытый упрек». К сильной речевой агрессии Щербинина относит

«брань, ругань — особо обидное оскорбление, крайне эмоционально и экспрессивно выраженное прямое порицание; грубое требование, произнесенное в явно повышенном тоне („крик“») [Щербина 2008: 133]. И дает такие примеры: «Ты дурак! Урод!! Ненормальный!!! Пошел вон отсюда!!!», «Мы же уже де-е-лали это! — Ты чо?! — Заткнись, подонок!!» [Там же].

Однако такие характеристики и иллюстрации сильной речевой агрессии не «схватывают» главного признака того вида речевой агрессии, который мы имеем в виду. А именно такого вида речевой агрессии, который можно назвать **сверхсильной речевой агрессией**, воплощающей такие «категориальные эмоциональные ситуации» (термин В. И. Шаховского), как **ненависть, бешенство, ярость** (см.: [Шаховский http]), **и, главное, такую субъективную модальность, как желание смерти, уничтожения объекта эмоции.**

Цель настоящей статьи — определение содержательных релевантных признаков данного вида речевой агрессии с нахождением для нее подходящего терминологического обозначения; выявление основных языковых средств выражения этого вида речевой агрессии и помещение ее в контекст речевой системности. Достижению этой цели служат прежде всего интенционально-прагматический, лингвоаксиологический и контекстуально-семантический методы анализа, главной задачей которых является вычленение, демонстрация и комментирование тех высказываний и фрагментов текста, которые в совокупности своих контекстуальных связей обуславливают аксиологическую тональность текста в отношении того или иного объекта (мишени — в терминах лингвистики информационно-психологической войны). Это предполагает выявление в тексте (а по мере возможности, в текстах всего дискурса данного автора или источника информации) ключевых идеологем, их сочетаемости в речевой ткани текста, что «способствует выявлению смысловых и этических приращений, отражающих точку зрения автора на те или иные политические события» [Купина 2015]; установлению и описанию лингвоидеологической парадигмы субъекта [Мирошниченко 1995]; его рационально- и эмоционально-оценочных суждений и квалификаций, а также языковых и речевых средств их выражения.

Исследование

Приведем примеры речевой агрессии, которую мы обозначили как сверхсильную.

• *Не существует в природе никаких „русских националистов“. Почему? Да потому,*

что животные не имеют национальности. Русское быдло темное, пьяное, тупое. Свиньи, скот, мразь, говно. Не люди, нет. Недочеловеки. Людями эти отбросы человечества именоваться недостойны. И вот именно такими населена вся Россия... Россия — это мразь. Её полному уничтожению нет никакой разумной альтернативы в нашем мире... (из статьи Б. Стомахина «Мысли вслух». Цит. по: [Неменский 2013: 57]).

• *„Срань господня!“ — совершенно правильно назвали этого „патриарха“ и его банду долгополых солистки „Pussy riot“. Вы мразь и нечисть, ребята в рясах и клобуках. „Православные ублюдки“, — про вас уже вполне можно снять фильм под таким названием, куда там Тарантино!.. <...> Да, ваша „православная церковь“, РПЦ МП (КГБ/ФСБ) — это дрянь, мразь и срань. Ваши попы — подонки, мерзавцы и стукачи. Вся „социальная группа“ черносотенных мракобесов в рясах, да-да. Все, до одного, подонки, — нормальный человек там служить не сможет и не будет. Все ваши „верующие“, у которых постоянно „оскорбляются“ некие „чуйства“, — это такое же дерьмо, генетический мусор, отстой и отбросы цивилизации. Характеризовать „социальную (или какую там?..) группу“ „православные верующие“ в России можно только одним словом: дерьмо, дерьмо и еще раз дерьмо!!!» [Стомахин Б. http].*

• *Ельцин ушел жалко и отвратительно. Сбежал из власти. Ненавидимый, сгнивший, был отторгнут страной, которая всеми своими сословиями молила о его скорейшей смерти, всеми слезами и проклятиями приближала его крах. <...> Страна оттолкнула его, как пушкинский рыбак отталкивает веслом утопленника, и он, разбухший, без глаз, с языком, в который впились раки, пиявки и улитки, поплыл в безвременье, напоминая кусок гнилой мешковины (из статьи А. Проханова «Ельцин погрузился как гнилой топляк». Завтра. 2000. № 1).*

• *...Потому что народ в массе своей — тупой скот. Огромная толпа. Именно поэтому я народ и не люблю. Я люблю людей. И великое счастье и одновременно заслуга глобализма состоит в том, что он убивает народ, как феномен. Расстаскивает его. Атомизирует. Не будет в грядущем этих тупых узколобых големов, на которых молятся и которыми клянутся политики (фрагмент текста Александра Никонова. Цит. по: [Чумаков http]).*

Главной особенностью и эмоционально-смысловым ядром этих и подобных им тек-

стов является яростная ненависть и презрение к объекту эмоциональной оценки; желание (в перспективе или ретроспективе) его полного уничтожения, ликвидации, исчезновения. Этим текстам свойственно множественное, конвергентное использование экспрессивных языковых средств и приемов, в том числе (факультативно) разнообразной инвективной лексики и фразеологии, в разных синтаксических позициях, чаще всего в позициях определения и предиката. Так, например, в первом фрагменте мы последовательно обнаруживаем прием диалогизации монолога (*Не существует в природе никаких „русских националистов“. Почему? Да потому...*); зооморфную метафору, или прием бестиализации (*...животные не имеют национальности*); словесный ярлык инвективного типа и цепочку инверсированных отрицательно-оценочных эпитетов (*Русское быдло темное, пьяное, тупое*); нагнетание инвективных предикатов в неполном бесподлежащем предложении (*Свиньи, скот, мразь, говно*); редупликацию отрицания в сочетании с плеоназмом и политическим ярлыком (*Не люди, нет. Недочеловеки. Людями эти отбросы человечества именоваться недостойны*); гиперболу (*И вот именно такими населена вся Россия...*); инвективный предикат (*Россия — это мразь*); итоговое оценочное суждение в форме речевого жанра «вердикт» категорической тональности (*Её полному уничтожению нет никакой разумной альтернативы в нашем мире...*).

Рассматриваемый здесь феномен сверхсильной речевой агрессии ассоциируется с теорией злокачественной агрессии — некрофилии — Эриха Фромма, изложенной им в книге «Анатомия человеческой деструктивности» [Фромм 1998]. По Э. Фромму, есть два вида некрофилии: «во-первых, имеется в виду сексуальная некрофилия (страсть к совокуплению или иному сексуальному контакту с трупом). Во-вторых, речь может идти о феноменах несексуальной некрофилии», которую «можно определить как *страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилостному, разлагающемуся; одновременно это **страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения; а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому). Плюс к тому это **страсть к насильственному разрыву естественных биологических связей*****» (курсив Э. Фромма. — А. С.) [Фромм 1998: 437, 435].

Весьма примечательно, что Э. Фромм упоминает о наличии некрофильского языка:

«Прямым проявлением речевой некрофилии является преимущественное употребление слов, связанных с разрушением или экскрементами» [Там же: 446]. Цитированные выше тексты служат убедительной иллюстрацией некрофильского языка — явления, для обозначения которого мы предлагаем термин **лингвонекрофилия**. Лингвонекрофилию мы можем обнаружить не только в отдельных текстовых фрагментах, но и в целых текстах большого формата. Иллюстрацией может служить книга А. Г. Невзорова «Отставка господ бога. Зачем России православие?» [Невзоров 2015]. В этой книге автор делает мишенью своих злобных нападок многое из того, что особенно дорого для русского человека. Это прежде всего православие, русская ментальность и те выдающиеся страницы истории русского народа и те наши соотечественники, которые являются предметом национальной гордости; национальные традиции и патриотизм; русская классическая литература; российская государственность, так называемая русская идея и т. д. В совокупности, взятые как целое, эти словесные атаки Невзорова создают «полноценный» лингвонекрофильский продукт — книгу. Взятые же по отдельности, представляют собой некий предуготовительный «полуфабрикат» — высказывания, основными модальностями которых выступают циничное глумление и сарказм, направленные на дискредитацию и/или десакрализацию мишени. Вот несколько примеров:

- *Суворова, как и прочие архаичные комиксы, вроде радонежских, невских, пересветов, пожарских, кутузовых и пр., надо было бы оставить историкам, которые умеют с ними обращаться бережно и аккуратно, пользуясь пинцетом, в резиновых перчатках (с. 58);*

- *Единственное, что не вполне ясно из этого закона, — так это судьба самого бога: встанет ли он швейцаром к думским дверям или депутаты отделаются от него талонами на двукратное посещение своей столовой (с. 89);*

- *А по меркам и классической, и современной психологии 75 % святых христианской церкви подлежат немедленной госпитализации и принудительному лечению аминозином и галоперидолом с доведением дозы до 30 мг в сутки (с. 164);*

- *Как сказал классик, духовность — это газ, который выделяют попы из разных бородатых отверстий (с. 176).*

Анализ книги Невзорова свидетельствует также о том, что для лингвонекрофильского текста не обязательно употребление инвектив, обценений, жаргонизмов, грубо-

го просторечия. Лингвонекрофильский эффект может создаваться и достигать высоких степеней накала путем использования лживых, предельно циничных и кощунственных высказываний, грубо нарушающих этическую норму. Эта особенность невзоровской лингвонекрофилии (без использования этого термина) замечена журналистами. Так, Анатолий Макаров в статье «Братья по глумлению» пишет: «О власти, надо сказать, повсюду не принято отзываться с особым почтением. Но „сверхчеловек“ Невзоров плюет и в то заветное, что теплится даже в очерстевшей душе. Достоевский — макулатура, концерт в Пальмире — пытка виолончелью, Родина — что ею дорожить, просто дрянь. Понимаю: это подло кощунственный стёб, но ведь не легкомысленный, а заранее обдуманый, как тщательно подготовленная террористическая акция» (Литературная газета. 2016. № 30). А писатель А. А. Проханов, рассуждая в статье «Крымское солнечное затмение» о причинах внутреннего бунта человека, замечает: «...в человеке разверзается бездна, о которой писал Достоевский. В этом страшном подполье начинает плодиться зло, в человеке рождается Невзоров, в человеке происходит расчеловечивание» (Завтра. 2018. № 31). Так к характеристике признаков лингвонекрофилии прибавляются цинизм и глумление.

Отсутствие в лингвонекрофильских текстах «крепких выражений» типа обсценизмов, бранных выражений, грубых жаргонизмов и просторечий восполняется целым рядом приемов, из которых наиболее очевидным представляется постановка дискредитируемого слова-понятия в один ряд с названиями категорически отвергаемых социумом явлений. Например: *Гомофобия, православие, нацизм, путинизм — боюсь, эти пороки уничтожат Россию...* [Ivanism 2011]; *Гомофобия — преступление против человечности, наряду с расизмом, антисемитизмом и фашизмом. Источник гомофобии — мракобесие церковников. В сегоднешних условиях — это Православие* [Леонов И.] (примеры взяты отсюда: [Копнина 2017: 209]).

Итак, сформулируем предварительное определение-характеристику понятия «лингвонекрофилия»: **это такая разновидность речевой (вербальной, словесной) агрессии, для которой характерна интенция морального и/или физического уничтожения объекта негативации, сопровождаемая эмоциями враждебности, ненависти и презрения; реализуемая в модальностях цинизма, глумления, кощунства, сарказма, клеветы, очернения, уни-**

чижения; тяготеющая к воплощению в некоторых речевых и литературных жанрах (например, в речевом жанре проклятия и литературном жанре памфлета) и в совокупности этих признаков результирующая текстом с запредельным нарушением этической нормы.

Обращение к феномену лингвонекрофилии заставляет вспомнить мысль, высказанную Н. А. Бердяевым более ста лет тому назад, которая звучит достаточно актуально и в наше время: «Раздор и вражда растут с каждым годом, теряется общий язык и всякая возможность взаимного понимания. Революционному отщепенству все люди другого, враждебного им круга представляются иной расой, низшей породой, относительно которой существует другая этика, чем та, которая действует в их кругу. Совершенно так же реакционному отщепенству все люди другого, враждебного им круга представляются иной расой, относительно которой все дозволено. Теряется не только сознание национального единства, но и сознание единства человеческого» [Бердяев 1998: 92]. Недаром утверждают, что «информацией (облаченным в необходимый образ или форму словом) действительно можно убить. Или фактически оздоровить, рекреационировать человека» [Илющенко 2019]. И не так уж неправ Н. Д. Голев, когда заявляет, что, хотя выражение «слово убивает» пока воспринимается как метафора, но пора подумать и о юридической квалификации подобных речевых действий [Голев [http](http://)].

Теперь обратимся к другой стороне рассматриваемого явления. Э. Фромм противопоставляет некрофилии *биофилию*, под которой понимается «страстная любовь к жизни и ко всему живому; это желание способствовать развитию, росту и расцвету любых форм жизни, будь то растение, животное или идея, социальная группа или отдельный человек. Человек с установкой на биофилию <...> стремится творить, формировать, конструировать и проявлять себя в жизни своим примером, умом и любовью...» [Фромм 1998: 481]. Полагаю, что выделение биофилии, с точки зрения идеи системности, дает основание по аналогии с лингвонекрофилией говорить также о *лингвобиофилии*, которая, по-видимому, не столь характерна для текстов российского публичного дискурса, как лингвонекрофилия, но обнаруживается не только в русской поэзии и художественной прозе, но и в публицистике. Приведу несколько примеров стилистики лингвобиофилии из публицистики Александра Проханова:

• *Умер Фидель Кастро. Но он не умер. Умерла его утомленная, прожившая столь-*

ко лет на земле плоть, а его ослепительный дух бессмертен. Он вырвался из плоти и продолжает сверкать над нами, как путеводная звезда. Герои не умирают. Фидель Кастро — герой. Герой в самом классическом, в античном смысле. Это герой, ополчившийся на космическое зло, на космическую тьму. Это он, штурмуя казармы Монкада, кинулся в схватку с драконом, ринулся на бой со змеем. Он разрубил змея на части, зашвырнул змея в океан, где тот сгинул в пучине. <...> Сегодня Фидель, носитель божественной мечты, дает нам надежду. Мы знаем, что эта мечта реет совсем близко от нас, всматривается в каждого из нас, ищет среди нас того героя, в кого она вселится. Душа Фиделя вселится в этого героя, душа Фиделя вселится в этого нового человека. Смерть Фиделя — это форма его бессмертия. Он говорил: „Родина или смерть!“ Смерть минует, Родина восторжествует [Проханов 2016].

- Смерть Чавеса вспыхнула над миром радугой его бессмертия. Он появился из магмы латиноамериканского континента. Он — слиток, родившийся из огненного вулкана. Он — индеец, в чьих жилах бушует наследие ацтеков и инков. Он — потомок испанских конкистадоров, вонзивших в Латинскую Америку свой окровавленный меч, воздевших над американским континентом свой католический крест. Он — социалист, тот красный пассионарий, который полтора века сражается за народ, отрицая жестокую несправедливость мира. <...> Смерть Чавеса — горе миллиардов. Мир рыдает, провожая гроб, в котором покоится великий десантник. Мир не хочет расставаться с Чавесом, а желает видеть его вечно, помещенным в стеклянный саркофаг. Народ на руках вносит Чавеса в историю. <...> Вот путь для народного вождя и героя. Вот доля десантника, которого сбросил на землю с небес Господь Бог (Завтра. 2013. № 11).

- С каждым годом Победа обретает все больше черт великого религиозного праздника, который соразмерен с Пасхой и Рождеством Христовым. <...> Война советского народа против фашистской Германии сорок первого — сорок пятого годов — это явление Христа на землю. Это второе Его Пришествие, когда Он встал среди русских полей и лесов. Облачился в форму пехотинцев и летчиков. Мчался в горящих танках и стреляющих кораблях. Те, кто падал, пробитый железом под Сталинградом и Курском, кого мучали в застенках и сжигали в пылающих избах, кто умирал в голодных обмороках у стен Адмиралтейства и Эр-

митажа — все это был Христос, что сражался с сатанинской тьмой. Победа сорок пятого года — это красная Пасха, делающая советский период русской истории величайшим мессианским периодом... (Завтра. 2013. № 20).

Стилистика лингвобиофилии в значительной степени зеркально повторяет стилистику лингвонекрофилии, но с противоположными эмоционально-оценочными значениями языковых и речевых единиц. Главной особенностью и эмоционально-смысловым ядром таких текстов является интенция горячей, часто восторженной, доходящей до сакрализации, любви к объекту эмоциональной оценки; желание (в перспективе или ретроспективе) его вечного существования, хотя бы в благодарной памяти людей. Этим текстам также свойственно множественное, конвергентное использование экспрессивных языковых средств и приемов, в том числе разнообразной мелиоративной лексики и фразеологии в разных синтаксических позициях, чаще всего в позициях определения и предиката. Так, например, в первом фрагменте из приведенных выше трех последовательно обнаруживаются прием псевдо-противоречия в сочетании с антитезой эпитетов и оценочных предикатов (*Умер Фидель Кастро, но он не умер. Умерла его утомленная, прожившая столько лет на земле плоть, а его ослепительный дух бессмертен*); персонификация в сочетании с образным аллюзивным сравнением (*Он вырвался из плоти и продолжает сверкать над нами, как путеводная звезда*); экспрессивный (интенсифицирующий) лексический повтор оценочного предиката в конструкции анадиплосиса (*Фидель Кастро — герой. Герой в самом классическом, в античном смысле. Это герой...*); гипербола в сочетании с плеоназмом (*Это герой, ополчившийся на космическое зло, на космическую тьму*); развернутая метафора-иносказание, стилизованная под фольклор (*Это он, штурмуя казармы Монкада, кинулся в схватку с драконом, ринулся на бой со змеем. Он разрубил змея на части, зашвырнул змея в океан, где тот сгинул в пучине*); эмоционально-оценочный эпитет (*божественной мечты*); развернутая персонификация с частичным синтаксическим параллелизмом и экспрессивной тавтологией (*Мы знаем, что эта мечта реет совсем близко от нас, всматривается в каждого из нас, ищет среди нас того героя, в кого она вселится. Душа Фиделя вселится в этого героя, душа Фиделя вселится в этого нового человека*); парадокс (*Смерть Фиделя — это форма его бессмертия*); экспрессивная цитата, став-

шая фразеологизмом (*Он говорил: „Родина или смерть!“*); изоколон (полный синтаксический параллелизм) в сочетании с рифмой (*Смерть минует, Родина восторжествует*).

Предлагаем следующую рабочую дефиницию лингвобиофилии: **это такая разновидность речевой (вербальной, словесной) позитивации (эмоционально-позитивирующего контекста), для которой характерна основная интенция гипертрофированной хвалы объекта, реализующаяся в модальностях восторженного превознесения, поклонения, сакрализации, обожествления; тяготеющая к воплощению в некоторых речевых и литературных жанрах (например, в речевых жанрах восхваления, славословия (дифирамба) и литературных жанрах панегирика, оды и т. п.).**

Этическая квалификация лингвобиофилии зависит от соответствия или несоответствия ее пафоса объекту позитивации. В этой связи заметим, что тексты, написанные в стилистике лингвобиофилии, могут быть и неэтичными, и манипулятивными. Покажем это на примере книги К. М. Александрова «Мифы о генерале Власове» (М.: «Посев», 2010. 256 с.), написанной с явной целью обелить предательское поведение генерал-лейтенанта А. А. Власова в немецком плену, ставшего орудием немецко-фашистских агрессоров в войне против тогдашней России — СССР: по его инициативе была создана из советских пленных солдат и офицеров так называемая Русская освободительная армия (РОА), которую он и возглавил и которая воевала вместе с немецкими фашистами против Красной армии.

Книга представляет собой сплошную апологетику генерала Власова: все обвинения, предъявляемые генералу исследователями его биографии, или отрицаются путем переинтерпретации фактов, или, в случае невозможности их отрицания (например, двоеженство и развратность генерала), объявляются простительными по принципу «не он один, все так делали». Для создания положительного, даже обаятельного облика Власова многократно приводятся хвалебные отзывы его воинских советских начальников и немцев, с которыми он имел дело в плену; даже отзывы его односельчан. В качестве примера приведу опубликованный в книге фрагмент воспоминаний Валентины Карбаевой, его родственницы: «Мы все очень любили Андрея Андреевича. До войны он почти каждый год приезжал в Ломакино. Помню, шел он по селу такой высокий, широкоплечий. Подходил к маме и спрашивал: „Ну что, Дуня, поедem в Гагино, ребятишкам чего-

нибудь купим“. Своих детей у него не было, вот он и баловал нас... Хоть и в высших чинах был, а не чурался общаться с односельчанами. Каждый его приезд был событием для села. По вечерам выступал в клубе, рассказывал о том, что творится в мире. Не боялся и крестьянской работы. Он все умел: и косить, и пахать. К нему во время отпуска любой односельчанин мог подойти за помощью в хозяйстве — он никому не отказывал. А как он умел петь?! Всегда возил с собой гармонь, на которой исполнял русские народные песни» [Александров 2010: 32].

Читают такое наивные люди и думают: «А ведь правда, какой приятный, симпатичный человек!» Ненаивные тоже начинают колебаться в оценках, так как книга насыщена позитивной информацией со ссылками на документы и конкретных свидетелей. Это делает концепцию автора книги убедительной и, вполне возможно, частично соответствующей действительности. **Однако не следует забывать главного! Суть дела все же в том, что, какими бы достоинствами ни обладал генерал-лейтенант А. А. Власов, это не отменяет главного: он изменил Родине. Причем в очень трудный и опасный для нее час. И нанес ей своим предательством большой вред. И тексты, подобные рассматриваемому, тоже приносят вред, так как способствуют разрушению ценностной матрицы нашего народа.**

Выводы

Основной вывод из всего сказанного таков. Если под речевой системностью понимать взаимосвязь и взаимообусловленность языковых и речевых единиц, участвующих в создании текста, в том числе составляющих смысловые и стилистические оппозиции, то следует признать одним из проявлений этой системности существование и функционирование семантико-стилистической оппозиции «лингвонекрофилия — лингвобиофилия». Причем стилистика текстов, демонстрирующих лингвонекрофилию и лингвобиофилию, аксиологически резко противоположна, а со стороны типологии языковых средств в значительной степени изоморфна. Речевая системность в данном случае проявляется также в том, что противопоставлению лингвонекрофилии и лингвобиофилии аксиологически соответствуют некоторые жанровые оппозиции, например, оппозиция речевых жанров проклятия и восхваления и литературных жанров памфлета и панегирика.

Напрашивается также вывод об опасности для любого социума лингвонекрофилии, а при определенных экстралингвистических

условиях и лингвобиофилии (например, в случае восхваления, рекламы этически недостойного или опасного для благополучия и даже жизни людей объекта); о необходимости выявления и ликвидации социальных причин такой опасности. Но это уже проблема, лежащая в значительной степени за пределами лингвистики.

ИСТОЧНИКИ

1. Александров К. М. Мифы о генерале Власове. — М. : Посев, 2010. — 256 с.
2. Невзоров А. Г. Отставка господ бога. Зачем России православие? М. : Эксмо, 2015. 224 с.
3. Проханов А. Гений мечты [Электронный ресурс] // Известия. 2016. 26 нояб. URL: <https://iz.ru/NEWS/647788#IXZZARIAQOUWH>.
4. Стомахин Б. Срань господня! [Электронный ресурс] // Livejournal. 2012. 24 июн. URL: <https://rights-freedom.livejournal.com/361381.html>.
5. Чумаков В. Портрет либерала [Электронный ресурс] // Конт. 2017. 8 февр. URL: <https://cont.ws/@vitalchuk/517376> (дата обращения: 03.01.2019).

ЛИТЕРАТУРА

6. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции [Электронный ресурс] : сб. ст. — СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1998. С. 9—300. URL: <https://predanie.ru/berdyayev-nikolay-aleksandrovich/book/91044-duhovnyy-krizis-intelligencii/> (дата обращения: 03.01.2019).
7. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
8. Воронцова Т. А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 83—86.
9. Голев Н. Д. Юрислингвистика в социальном пространстве современной России [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z33.html> (дата обращения: 03.01.2019).
10. Гордеев Д. И. Способы вербализации агрессии (на материале русскоговорящих анонимных форумов) // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2017. Вып. 1. С. 175—181.
11. Завьялова О. Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия // Культура русской речи : энцикл. слов.-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.] — М. : Флинта : Наука, 2003. С. 562—564.
12. Закоян Л. М. Речевая агрессия как предмет лингвистических научных исследований // Вестн. РУДН. Сер. «Вопросы образования: языки и специальность». 2008. № 2. С. 46—51.
13. Илющенко Роман. Человек — существо информационное [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 15.01.2019. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2019/01/15/che_lovek_suwestvo_informacionnoe/ (дата обращения: 03.01.2019).
14. Кислица В. В. Изучение вербальной агрессии подростков в образовательном учреждении [Электронный ресурс] //

Молодой ученый. 2016. № 9. С. 1023—1027. URL: <https://moluch.ru/archive/113/29069/> (дата обращения: 05.01.2019).

15. Копнина Г. А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 206—216.
16. Купина Н. А. Русская идея в контексте современности: «Бесы» Достоевского и аксиологические суждения Бердяева // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 31—37.
17. Мирошниченко А. А. Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа [Электронный ресурс]. — Ростов н/Д, 1995. 112 с. URL: http://www.kazhdy.ru/andrey_miroshni_chenko/tech/1/ (дата обращения: 23.01.2018).
18. Неменский О. Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 13. С. 26—65.
19. Паремузашвили Э. Э. Речевая агрессия в непрямой коммуникации (на материале русской классической и современной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2013. 24 с.
20. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2011. 160 с.
21. Седов К. Ф. Агрессия как вид речевого воздействия [Электронный ресурс]. URL: <http://gigabaza.ru/doc/100170.html> (дата обращения: 03.01.2019).
22. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2011. 1175 с.
23. Трошева Т. Б. Речевая агрессия // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной ; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котурова, А. П. Сковородников. — М. : Флинта : Наука, 2003. С. 340—343.
24. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М. : АСТ — ЛТД, 1998. 672 с.
25. Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции : моногр. — Волгоград : Изд. ИП Поликарпов И. Л., 2016. 504 с.
26. Шаховский В. И. Медийная неэкологичность как способ / средство диффамации адресата // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В. И. Шаховский ; отв. ред. проф. Н. Н. Панченко, ред. кол.: Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. — Волгоград : Перемена, 2013. С. 302—317.
27. Шаховский В. И. Эмоциональная толерантность в межперсональном речевом общении [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/mBTgcz> (дата обращения: 04.01.2019).
28. Щербаков А. В. Речевая агрессия // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) [Электронный ресурс] : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова ; члены редколлегии: Г. А. Копнина, Л. В. Куликова, О. В. Фельде, Б. Я. Шарифуллин, М. А. Южанникова. 2-е изд., перераб. и доп. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. 852 с.
29. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. Изд. 2-е. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 360 с.

A. P. Skovorodnikov

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-0171-596x

 E-mail: skapnat@mail.ru.

On the Extreme Speech Aggression and Its Modal Antipode

ABSTRACT. *The article deals with the issue of differentiation of speech aggression by the degree of its intensity. It demonstrates the fact that not all varieties of speech / language aggression differing in the degree of emotional tonality are reflected and terminologically denoted in the studies devoted to this phenomenon, and specifically in the definitions suggested by different authors. The author considers such type of speech aggression which represents the extreme degree of negative emotionality and is characterized by hatred towards the object of evaluation and the desire for their physical and / or moral destruction. The author suggests denoting this phenomenon with the term “linguonecrophilia”. It is also noted that due to speech consistency, there exists a phenomenon, opposite to linguonecrophilia. It emerges as the axiological manifestation of*

the former and denotes a phenomenon of the highest degree of positive, enthusiastic sacralizing evaluation which may be denoted with the term “linguobiophilia”. The consistency of speech axiology is also manifested in the fact that some genres are isomorphic to the linguonecrophilia and linguobiophilia, for instance the speech genres of curses and hymns (dithyramb) and the literary genres of pamphlet and panegyric. The texts created in the style of linguonecrophilia and linguobiophilia are characterized by the convergent use of expressive language tools and techniques, including diverse pejorative and ameliorative vocabulary and phraseology in different syntactic positions, most often in those of an attribute and the predicate. As a result, the definitions of linguonecrophilia and linguobiophilia are formulated, and a conclusion is drawn about the danger of linguonecrophilia for the society, as well as of linguobiophilia – under certain extralinguistic conditions. Another conclusion is about the need to identify and eliminate the social causes of this danger.

KEYWORDS: *speech aggression; speech behavior; extreme emotionality; negative emotionality; positive emotionality; linguonecrophilia; linguobiophilia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Skovorodnikov Aleksandr Petrovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

FOR CITATION: *Skovorodnikov, A. P. On the Extreme Speech Aggression and Its Modal Antipode / A. P. Skovorodnikov // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 12-21. — DOI 10.26170/pl19-03-01.*

MATERIALS

1. Aleksandrov K. M. Myths about General Vlasov. — Moscow : Sowing, 2010. — 256 p. [Mify o generale Vlasove. — M. : Posev, 2010. — 256 s.]. — (In Rus.)
2. Nevzorov A. G. The Resignation of God. Why does Russia Need Orthodoxy? — Moscow : Eksmo, 2015. 224 p. [Otstavka gospoda boga. Zachem Rossii pravoslavie? M. : Eksmo, 2015. 224 s.]. — (In Rus.)
3. Prokhanov A. The Genius of a Dream [Electronic resource] // News. 2016. 26 Nov. [Geniy mechty // Izvestiya. 2016. 26 noyab.]. URL: <https://iz.ru/NEWS/647788#IXZZ4RIAQUUWH>.
4. Stomakhin B. Holy shit! [Electronic resource] // Livejournal. 2012. 24 Jun. [Sran' gospodnya! // Livejournal. 2012. 24 iyun.]. URL: <https://rights-freedom.livejournal.com/361381.html>. — (In Rus.)
5. Chumakov V. Portrait of a Liberal [Electronic resource] // Cont. 2017. 8 Feb. [Portret liberala // Kont. 2017. 8 fevr.]. URL: <https://cont.ws/@vitalchuk/517376> (date of access: 03.01.2019). — (In Rus.)

REFERENCES

6. Berdyaev N. A. The Spiritual Crisis of the Intellectuals [Electronic resource] : collection of articles. — Saint Petersburg : Typograpy of Comrade “Public Benefit”, 1998. P. 9—300. [Dukhovnyy krizis intelligentsii : sb. st. — SPb. : Tip. tov-va «Obschestvennaya pol'za», 1998. S. 9—300]. URL: <https://predanie.ru/berdyaev-nikolay-aleksandrovich/book/91044-duhovnyy-krizis-intelligentsii/> (date of access: 03.01.2019). — (In Rus.)
7. Big Dictionary of the Russian Language / comp. and chief ed. S. A. Kuznetsov. — Saint Petersburg : Norint, 1998. 1536 p. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 1998. 1536 s.]. — (In Rus.)
8. Vorontsova T. A. Speech Aggression in the Communicative-discursive Paradigm // Proceedings of VSU. Ser.: Linguistics and intercultural communication. 2006. No. 1. P. 83—86. [Rechevaya agressiya v kommunikativno-diskursivnoy paradigme // Vestn. VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2006. № 1. S. 83—86]. — (In Rus.)
9. Golev N. D. Legal Profession in the Social Space of Modern Russia [Electronic resource]. [Yurilingvistika v sotsial'nom prostranstve sovremennoy Rossii]. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z33.html> (date of access: 03.01.2019). — (In Rus.)
10. Gordeev D. I. Methods of Verbalization of Aggression (on the Material of Russian-Speaking Anonymous Forums) // Computational Linguistics and Computational Ontologies. 2017. Vol. 1. P. 175—181. [Sposoby verbalizatsii agressii (na materiale russkogovoryashchikh anonimnykh forumov) // Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii. 2017. Vyp. 1. S. 175—181]. — (In Rus.)
11. Zav'yalova O. N. Speech (Linguistic, Verbal) Aggression // Culture of Russian Speech: Encycl. dictionary / ed. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryayeva [et al.]. — Moscow : Flinta : Science, 2003. P. 562—564. [Rechevaya (yazykovaya, verbal'naya) agressiya // Kul'tura russkoy rechi : entsikl. slov.-spravochnik / pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryayeva [i dr.]. — M. : Flinta : Nauka, 2003. S. 562—564]. — (In Rus.)
12. Zakoyan L. M. Speech Aggression as a Subject of Linguistic Scientific Research // Proceedings of RUDN. Ser. “Education

issues: languages and specialty”. 2008. No. 2. P. 46—51. [Rechevaya agressiya kak predmet lingvisticheskikh nauchnykh issledovaniy // Vestn. RUDN. Ser. «Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'». 2008. № 2. S. 46—51]. — (In Rus.)

13. Ilyushchenko Roman. Man is a Creature of Information [Electronic resource] // Russian folk line. 15.01.2019. [Chelovek — sushchestvo informatsionnoe // Russkaya narodnaya liniya. 15.01. 2019]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2019/01/15/chelovek_suwestvo_informatsionnoe/ (date of access: 03.01.2019). — (In Rus.)

14. Kislitsa V. V. Study of Verbal Aggression of Adolescents in an Educational Institution [Electronic resource] // Young Scientist. 2016. No. 9. P. 1023—1027. [Izuchenie verbal'noy agressii podrostkov v obrazovatel'nom uchrezhdenii [Elektronnyy resurs] // Molodoy uchenyy. 2016. № 9. S. 1023—1027]. URL: <https://moluch.ru/archive/113/29069/> (date of access: 05.01.2019). — (In Rus.)

15. Kopnina G. A. Speech Tactics and Methods of Discrediting Orthodoxy in the Modern Information-psychological War (on the Material of Internet Texts) // Political Linguistics. 2017. No. 5 (65). P. 206—216. [Rechevye taktiki i priemy diskreditatsii pravoslaviya v sovremennoy informatsionno-psikhologicheskoy voyne (na materiale internet-tekstov) // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 206—216]. — (In Rus.)

16. Kupina N. A. Russian Idea in the Context of Modernity: Dostoevsky's «Demons» and Berdyaev's Axiological Assertions // Political Linguistics. 2015. No 2 (52). P. 31—37. [Russkaya ideya v kontekste sovremenosti: «Besy» Dostoevskogo i aksiologicheskie suzhdeniya Berdyaeva // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 31—37]. — (In Rus.)

17. Miroshnichenko A. A. Interpretation of Speech. Basics of Linguistic and Ideological Analysis [Electronic resource]. — Rostov on Don, 1995. 112 p. [Tolkovanie rechi. Osnovy lingvoideologicheskogo analiza. — Rostov n/D, 1995. 112 s.]. URL: http://www.kazhdy.ru/andrey_miroshnichenko/rech/1/ (date of access: 23.01.2018). — (In Rus.)

18. Nemenskiy O. B. Russophobia as an Ideology // Questions of Nationalism. 2013. No. 13. P. 26—65. [Rusofobiya kak ideologiya // Voprosy natsionalizma. 2013. № 13. S. 26—65]. — (In Rus.)

19. Paremuzashvili E. E. Speech Aggression in Indirect Communication (on the Material of Russian Classical and Modern Literature) : synopsis of thesis ... Cand. of Philol. Sciences. — Moscow, 2013. 24 p. [Rechevaya agressiya v nepryamoy kommunikatsii (na materiale russkoy klassicheskoy i sovremennoy literatury) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2013. 24 s.]. — (In Rus.)

20. Petrova N. E., Ratsiburskaya L. V. Language of Modern Media: Means of Verbal Aggression : teaching aid. — Moscow : Flinta : Science, 2011. 160 p. [Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoy agressii : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2011. 160 s.]. — (In Rus.)

21. Sedov K. F. Aggression as a Type of Speech Influence [Electronic resource]. [Agressiya kak vid rechevogo vozdeystviya]. URL: <http://gigabaza.ru/doc/100170.html> (date of access: 03.01.2019). — (In Rus.)

22. Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words / RAS, Inst.

of Rus. lang. named after V. V. Vinogradov ; resp. ed. N. Yu. Shvedova. — Moscow : Azbukovnik, 2011. 1175 p. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / RAN, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova ; otv. red. N. Yu. Shvedova. — M. : Azbukovnik, 2011. 1175 s.]. — (In Rus.)

23. Trosheva T. B. Speech Aggression // Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language / ed. M. N. Kozhina ; Editorial Board members: E. A. Bazhenova, M. P. Kotyurova, A. P. Skovorodnikov. — Moscow : Flinta : Science, 2003. P. 340—343. [Rechevaya agressiya // Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoy ; chleny redkollegii: E. A. Bazhenova, M. P. Kotyurova, A. P. Skovorodnikov. — M. : Flinta : Nauka, 2003. S. 340—343]. — (In Rus.)

24. Fromm E. Anatomy of Human Destructiveness. — Moscow : AST — LTD, 1998. 672 p. [Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti. — M. : AST — LTD, 1998. 672 s.]. — (In Rus.)

25. Shakhovskiy V. I. Ecological Dissonance in the Communication Circle: People, Language, Emotions : monograph. — Volgograd : Ed. Polikarpov I. L., 2016. 504 p. [Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugue: chelovek, yazyk, emotsii : monogr. — Volgograd : Izd. IP Polikarpov I. L., 2016. 504 s.]. — (In Rus.)

26. Shakhovskiy V. I. Media Non-environmental Friendliness as a Method / Means of Defamation of the Addressee // Emotive linguoecology in the Modern Communicative Space : collective monogr. / scientific ed. prof. V. I. Shakhovskiy ; resp. ed. prof. N. N. Panchenko, ed. col. : Ya. A. Volkova, A. A. Shteba, N. I. Ko-

robkina. — Volgograd : Peremena, 2013. P. 302—317. [Mediy-naya neekologichnost' kak sposob / sredstvo diffamatsii adresata // Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kol. monogr. / nauch. red. prof. V. I. Shakhovskiy ; otv. red. prof. N. N. Panchenko, red. kol.: Ya. A. Volkova, A. A. Shteba, N. I. Korobkina. — Volgograd : Peremena, 2013. S. 302—317]. — (In Rus.)

27. Shakhovskiy V. I. Emotional Tolerance in Interpersonal Speech Communication [Electronic resource]. [Emotsional'naya tolerantnost' v mezhpersonal'nom rechevom obshchenii]. URL: <https://goo.gl/mbTgcz> (date of access: 04.01.2019). — (In Rus.)

28. Shcherbakov A. V. Speech Aggression // Effective Speech Communication (Basic Competences) [Electronic resource]: Dictionary-reference book / ed. A.P. Skovorodnikova ; Editorial Board members: G. A. Kopnina, L. V. Kulikova, O. V. Felde, B. Ya. Sharifullin, M. A. Yuzhannikova. 2nd ed., changed and add. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2014. 852 p. [Rechevaya agressiya // Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii) : slovar'-spravochnik / pod red. A. P. Skovorodnikova ; chleny redkollegii: G. A. Kopnina, L. V. Kulikova, O. V. Fel'de, B. Ya. Sharifullin, M. A. Yuzhannikova. 2-e izd., pererab. i dop. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2014. 852 s.]. — (In Rus.)

29. Shcherbinina Yu. V. Verbal Aggression. 2nd ed. — Moscow : Publ. House of LKI, 2008. 360 p. [Verbal'naya agressiya. Izd. 2-e. — M. : Izd-vo LKI, 2008. 360 s.]. — (In Rus.)